

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Ольга ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ГЛАЗАМИ ТЬМЫ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В76

Серия основана в 2004 году
Выпуск 585

Художник
С. А. Григорьев

Воскресенская О. Н.

В76 Глазами тьмы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 343 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2070-4

Одержимые — страшнейшие из порождений тьмы, требующие немедленного уничтожения. С первой частью утверждения Тэйра совершенно согласна, но со второй... Сложно все и двойко. Ну не выдавать же инквизиции саму себя?! Хотя иногда угрызения совести и не на такое толкают. Однако для начала лучше помочь воинам церкви поймать ту одержимую, что открыла сезон охоты на нее...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Воскресенская О. Н., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2070-4

ПРОЛОГ

Малышка лет пяти-шести на вид, крепко вцепившись в подол длинной юбки матери, медленно переставляла ноги и сосредоточенно облизывала со всех сторон воздушное пирожное. Крем размазался по миловидному личику, но родители не пытались призвать ее к аккуратности. Переглядываясь и улыбаясь друг другу, они просто наслаждались жизнью и выдавшимся спокойным, мирным временем. Сегодня у их Таи был день рождения.

Внезапно на лицо женщины набежала тень, она нахмурилась и быстро огляделась по сторонам.

— Что случилось, дорогая? — встревожился мужчина.

— У меня очень нехорошее предчувствие.

— Что-то конкретное?

— Нет. Я не знаю. Возможно, ночью... — нерешительно и противоречиво начала молодая женщина.

— Хорошо, дорогая, не при ребенке. Обсудим работу позже, у нас еще будет время.

— Тогда идем домой? Уже вечерет.

Мужчина согласился, и маленькая семья свернула с центрального бульвара на одну из небольших улочек города. Они жили почти на окраине, так как родители считали, что ребенку полезнее быть ближе к природе, а не дышать пылью большого каменного лабиринта.

— Я моложеное еще хочу, — закапризничала Тая. Она редко такое себе позволяла, но сегодня был особый день.

— Завтра. Обещаю, — сказал мужчина, улыбнувшись дочери.

В ответ малышка серьезно кивнула, давая понять, что не забудет этих слов. Она заранее предвкушала еще одну интересную прогулку с любящими родителями. Это случалось так

редко! Взрослые вечно были чем-то заняты, вечно оправдывались работой. По отдельности они уделяли ей достаточно внимания, но девочке хотелось, чтобы семья почаще собиралась вместе, втроем.

Несмотря на желание погулять еще, ноги у Таи ныли. Но она, упрямо поджав губы, терпела и воздерживалась от жалоб. Подходя к знакомой двери уютного домика на небольшой тихой улочке, малышка терла глаза кулачком. Она не возразила, когда родители предложили ей пойти поспать, пока они быстро сбегают на работу. Мама пообещала разбудить ее чуть позже и почитать на ночь сказку.

Переодеваться в ночную рубашку в такую рань — шесть часов вечера — девочка наотрез отказалась. Как была, в розовом кружевном платье, она устроилась в гостиной на диване и потребовала, тщательно выговаривая каждую букву «р»:

— Хочу в пещеру дракона!

Родители, уже знакомые с привычками и причудами дочери, вздохнули и пошли по дому собирать с кресел и кроватей всевозможные разноцветные подушечки. Почему-то быть принцессой из сказки малышку не устраивало. «Фи, — обычно морщила она носик. — Не хочу быть слабой и беспомощной». «Но тогда придет принц и спасет тебя», — подмигнув, возражал отец. «А вдруг он будет занят? — с недетской рассудительностью возражала девочка. — Нет, лучше я буду большим и страшным драконом, стерегущим в пещере свои сокровища!» Любящие родители прекращали спорить, тем более что роль сокровищ исполняли плюшевые игрушки, а пещеру из подушек несложно собрать. Зато малышка была хорошо защищена от холода, ведь внеурочная работа часто не позволяла ночевать дома и следить, чтобы камин не прогорал. Лето заканчивалось, осень была не за горами. Иногда они задумывались о том, чтобы нанять няню, благо, что средства позволяли, но круглосуточно терпеть дома чужого человека совершенно не хотелось. Вроде им и так неплохо жилось втроем после отъезда помогавшей ранее родственницы.

Аккуратно навалив на Таю гору разноцветных подушечек, родители пожелали ей добрых снов и буквально на цыпочках пошли к выходу. Малышка услышала из прихожей глухой звон — похоже, отец прихватил с собой меч, каким рыцари в сказках обычно сражаются с драконами. Но она никогда не задумывалась о том, что в повседневной обыденной жизни роди-

телям может что-то угрожать. Пока для Таи меч был всего лишь символом мужества и доблести, а не намеком на существование смертельной опасности.

Девочка проснулась, когда часы в прихожей начали отбивать полночь. Ей редко доводилось слышать этот тихий звон, так как он раздавался только раз в сутки, когда Тая была погружена в глубокий сон. Она открыла глаза и удивилась тому, что кто-нибудь из родителей до сих пор не разбудил ее или не перенес на кровать. Похоже, сегодня ей придется обойтись без сказки. Однако завтра она обязательно потребует две!

Тая осторожно сдвинула одну подушку и выглянула из своей «пещеры» в комнату. Она не торопилась встать и выбираться из-под завала, так как, к огорчению родителей, побаивалась темноты. В гостиной было тихо, дрова в камине давно прогорели и больше не давали света. Комната казалась таинственной и пугала неизвестностью. Тая и сама не знала, почему конкретно трусит, ведь вокруг все знакомо. Опасаясь пожара, родители никогда не оставляли свечу гореть до своего прихода, хотя девочка иногда просила их об этом.

Так ничего и не рассмотрев в жуткой темноте, малышка решила попытаться еще немного поспать. Авось время пролетит незаметно. Она зажмурила глаза, прячась таким образом от возможных монстров, затаившихся в неизвестности. Однако буквально тут же услышала легкое поскрипывание досок крыльца и звук поворачиваемого в замке ключа. В прихожей громко звякнуло, после чего раздался сердитый голос матери:

— Сколько раз я тебя просила купить хоть один новомодный магический светильник! Смотри, что ты натворил!

— Извини. Похоже, я случайно уронил защитный амулет.

— Быстрее его ищи. Цел?

— Ты все еще беспокоишься? Дорогая, мы же решили, что у тебя просто расшатались нервы и от этого начало немного двоиться в глазах. Надо бы почаще отдыхать, хотя с нашей работой...

— Ничего, через неделю выберемся всей семьей из города и навестим сводную сестру моей мамы. Должна же дочка наконец в осознанном возрасте познакомиться со своей единственной бабушкой!

— В отпуск собрались? Хорошее дело, — раздался со стороны прихожей мягкий женский голос с легкой хрипотцой. Кажется, Тае уже доводилось его слышать.

— Ох, ты меня напугала, — выдохнула мама девочки. — Что ты здесь делаешь?

— Да вот, решила зайти по-соседски и, если вы еще не спите, отдать должок. Вас ведь и не застать, даже в соборе.

— Совершенно точно, — согласился отец Таи. — А не страшно в такое время ходить по улице? Это, конечно, ваше дело, но я не одобряю подобной опрометчивости.

— Не волнуйтесь, я умею постоять за себя, — заверила незнакомка. — К тому же тут недалеко, а со мной старый добротный меч из великолепной стали. Хотите, я вам его покажу?

— Как-нибудь в другой раз, у нас был очень долгий и тяжелый день, — зевнул отец.

— Да-да, день рождения дочери, я помню. Ну хоть на минутку пригласите меня в дом? Мне нужна свеча, чтобы отсчитать монеты. Не люблю быть кому-то должной.

— Ладно, проходи в гостиную. Свет мы сейчас организуем, — пригласила мать. Она не боялась разбудить дочку, так как в такое время та обычно крепко спала. Под горой подушек звуки и огонек свечи вряд ли будут сильно досаждают. К тому же Таю все равно надо переложить с дивана на кровать и переодеть. И если она при этом проснется — ничего страшного.

Смущающаяся малышка быстро сдвинула подушки так, чтобы ее не было видно. Она решила не высовываться из «пещеры» и не здороваться с гостьей. До ее ухода станет делать вид, что крепко спит. Хотя для удовлетворения любопытства Тая все-таки оставила себе малюсенькую щелочку для одного глаза.

Мать зажгла в гостиной возле окна широкую свечу из белого воска, и малышка наконец сумела рассмотреть, кто к ним пришел отдавать какой-то долг. Женщина. Молодая, высокая, на тонких каблуках. Одета в красивое узкое красное платье, которое страшно понравилось Тае. Ее мама даже по праздникам ходила в чем-то попроще и поскромнее и при этом предпочитала белый или светло-голубой цвета. Лица малышка не рассмотрела, но зато густые золотистые вьющиеся волосы гостьи надолго приковали ее внимание. Тая подумала, что, когда вырастет, хочет стать такой же красивой. Но она с сожалением

признала, что это невозможно. У нее просто отвратительная черная копна прямых и жестких волос!

— Вы в прихожей амулет сломали, — сообщила гостя.

— Святые небожители! — сдавленно, с досадой воскликнул отец. — Вот не повезло! Завтра полдня придется его восстанавливать, а до утра — спать по очереди и быть начеку.

— А откуда ты так точно знаешь про амулет? — тихим голо- сом поинтересовалась мать и сделала шаг поближе к мужу.

— Чувствую! — громко заявила гостя, и в ее голосе послышалась радость.

То ли это была причудливая игра теней, то ли Таю подвело зрение, но внезапно девочке показалось, что на руках незна- комки выросли длинные ногти.

— Назад! — воскликнул отец, хватаясь за рукоять меча, все еще болтающегося на поясе. — Это одержимая!

— О нет, — простонала мама, отступая к дивану. Она заго- родила девочке обзор.

— О да, — глубоким хриловатым голосом передразнила гостя. — Это не я должна вам жалкие монеты, а вы мне — свои жизни! Как долго я выслеживала именно вас... Это вы четыре- жды за год едва не поймали меня и не отправили назад в Без- ну. Без сил! — резко и противно взвизгнула она под конец.

А Тае начало казаться, что она крепко спит и видит всего лишь странный и страшный сон. Потому что такого в реальной жизни просто не могло быть!

Незнакомка двигалась стремительно, ее силуэт смазывался в темноте, не оставляя людям шансов спастись от хищных ког- тей и острого меча. Ее клинок со звоном скрещивался с клин- ком отца Таи. Хотя рука без оружия была еще опаснее.

Девочка в своем убежище затаила дыхание, прислушива- ясь. Оказалось, что попасть в страшную сказку самой вместе с родными — это не то же, что просто слушать интересную исто- рию, в которой конец предрешен. От страха малышка не могла пошевелить и пальцем. Во всех сказках для победы над одер- жимыми собирали команды как минимум из трех воинов- инквизиторов. Тая услышала, как отец, сбиваясь и затруднен- но дыша, забормотал молитву, обращаясь к Господу. Лязг сталкивающихся мечей стал чаще, а потом после непонятного стука... стих.

— Нет! — раздался громкий, с подвыванием, крик матери, и сердечко малышки тревожно екнуло.

— Похоже, твой муж по достоинству оценил качество моего меча, — хохотнула гостья. — Теперь твоя очередь. Поиграем? Пожалуй, я даже дам тебе крохотный шанс — отложу оружие в сторону.

Мать Таи в отчаянном порыве кинулась вперед. Вероятно, она хотела схватить меч мужа и попытаться напасть, только гостья не дала ей такой возможности. Резкий и сильный удар заставил хозяйку пролететь полкомнаты, словно осенний лист, подхваченный порывом ураганного ветра, и врезаться спиной в стену, противоположную входу.

Девочка в своем убежище услышала дикий грохот, страдальческий стон матери и сумасшедший, бесшабашно веселый смех гостьи. Страх парализовал ее. Малышке захотелось оказаться как можно дальше от темной гостиной и от всего происходящего и чтобы при этом все было хорошо. Но разве так бывает? В свои шесть лет она не знала точного ответа. Тая вообще первый раз воочию наблюдала насилие и чувствовала реальную опасность. Первый раз собственный дом не казался ей неприступной крепостью и был совершенно не мил. Она сделала единственное, что могла в такой ситуации, — крепко зажмурилась и мысленно начала вспоминать короткую молитву, которую обычно частенько произносил на ночь отец. Она всей душой молила избавить семью от нечистой силы — от одержимой, и из-под ее закрытых век на пухлые щечки текли слезы.

Несмотря на юный возраст, Тая осознавала безвыходность ситуации. Все сказки были категоричны: против человека, в которого вселился бес, обычное оружие и кулаки бесполезны. Тем более что в большинстве историй инквизиторы с молитвами и особыми мечами всегда появлялись уже после трагедии...

Тая закончила молитву и внезапно сообразила, что в комнате стало слишком тихо. Больше не было ни стонов, ни грохота, ни хохота. И эта тишина напугала ее еще пуще.

— Мечь сладка, как твоя кровь, — прозвучал в темноте протяжный голосок одержимой.

Малышке даже показалось, что она расслышала чавканье.

— Ох, кажется, я сломала ноготь на мизинце. Вот стерва! Все-таки нашла, чем мне досадить напоследок. Ну ничего, я еще отыграюсь, ведь меня ждет десерт... Тая, детка, ау, ты где? — громче позвала убийца. — В кровати, я так полагаю?

Подожди немножко, сейчас тетенька придет и покажет тебе новую игру. В догонялки или в неправильного доктора, — засююкала она, противно хихикая. Каблуки страшной гостью громко зацокали в сторону дверей, ведущих в спальню.

Малышка сжалась в своей «пещерке», не сомневаясь, что вскоре будет обнаружена. В доме всего шесть комнат: гостиная, две спальни, кухня, туалет и чулан — обыскать их все можно за пару минут. На диване Тае стало очень неудобно. Она чувствовала себя не большим, страшным и злобным драконом, а тем, кем и была, — маленькой девочкой, которой в отличие от сказочных принцесс неоткуда ждать помощи.

Едва заслышав тихий скрип закрываемой двери спальни, Тая выбралась из-под подушек и со всех ног кинулась в прихожую. По дороге она зацепилась, упала, запачкала в чем-то липком ладонь, но поднялась и, не топая, на одних носочках понеслась дальше. Девочка не остановилась даже для того, чтобы обуться. Она всем телом врезалась в дверь, но боли в тот момент не почувствовала. Без оглядки побежала по улицам, постоянно куда-то сворачивая и шарахаясь от каждой тени. Где-то подвывали собаки, за некоторыми окошками светились огоньки свечей, но людей видно не было. Темнота городских улиц не успокоила, а еще больше обострила страхи ребенка. Тае казалось, что сейчас со всех сторон на нее кинется по меньшей мере сотня одержимых. Она еще не умела считать до такой большой цифры, но знала, что это о-очень много.

Наконец настал такой момент, когда сбитые о камни ноги подкосились от усталости. Малышка рухнула на тротуар, до крови рассадив обе коленки. Из своего положения при свете тонкого молодого месяца она рассмотрела темный провал под крыльцом какого-то домика и сочла это место более-менее подходящим убежищем от ночных кошмаров. На четвереньках Тая забралась под конструкцию из досок и затаилась там, мысленно молясь, чтобы утро наступило быстрее. Ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий — шуметь девочка боялась. Она даже не подумала о том, чтобы попытаться позвать кого-то на помощь.

Нервное потрясение и долгий, быстрый бег настолько истощили Таю, что она сама не заметила, как провалилась в сон. Если одержимая и искала ее, то не нашла. Или, возможно, у убийцы появились иные планы...

Проснулась Тая от страшного рычания совсем рядом. Затем кто-то вцепился в подол ее замечательного розового платица и, дергая из стороны в сторону, потянул. Ткань затрещала по швам, а девочка неожиданно для себя оказалась на солнце. Но, несмотря на яркий свет, она все равно перепугалась, что ее сейчас съедят.

— Волк, фу! — приказал грубый мужской голос, и платье Таи наконец оставили в покое.

Громадный и, похоже, очень злой пес еще раз рыкнул прямо в лицо девочки и отошел, всем своим видом показывая недовольство командой. А Тая, съжившись на земле, залилась слезами. Утреннее пробуждение остро напомнило ей ночной кошмар. Сейчас грязная и истерзанная малышка, очутившаяся вдали от дома, ясно поняла, что убийство родителей ей не приснилось, что она больше никогда их не увидит.

— Тихо! — шикнул на нее огромный, никогда ранее не встречавшийся мужчина в серой форме. — Мой пес натаскан рвать вопящую и сопротивляющуюся добычу.

Если незнакомец пытался таким образом успокоить девочку, то он выбрал не самые удачные слова. Даже ради спасения собственной жизни Тая уже не могла остановить истерику. Она рыдала и выла не хуже пса, увидевшего луну.

— Вот дьявол! — с досадой выругался мужчина.

— Что у тебя там? — окликнул его человек в точно такой же серой форме.

— Да тут Волк бродяжку нашел, из дома, наверное, сбежала и теперь прячется по ночам где придется. Только дикая она какая-то, словно сумасшедшая, и грязная, и коленки разбиты. А кровищи от ссадин столько, что на двух таких пигалиц хватило бы.

— Тьфу! — сплюнул более худощавый мужчина с аккуратными усами. — Вечно твой пес откапывает нам лишнюю работу! Надо было пройти мимо, и пусть бы с ней следующий патруль возился!

— Ты же знаешь, что мы обязаны проверить все подозрительное. А девчонка забилась под крыльцо, словно какая-то нечисть, застигнутая солнцем. Мне потом угрызения совести ни к чему.

— Сама она нечистью быть не может. Бесы не вселяются в невинных детей, — покачал головой человек с усами.

— Зато кормом послужить может, если мы не уберем ее с улицы, — возразил хозяин пса и легонько ткнул Таю ботинком в бедро. — Эй, чернявая, заканчивай выть и пойдем. Если, конечно, не планируешь в ближайшие сутки попасть в зубы одержимому, — хохотнул он над собственной «черной» шуткой.

Тая заплакала еще горше. На какой-то миг она даже пожалела, что осталась жива, что ночная гостья не убила ее так же, как родителей. Девочка не представляла, как она будет без мамы и папы. И почему она такая трусиха? Почему не смогла выбраться из «пещерки» и настоящим драконом налететь на одержимую? Вдруг бы ей удалось схватить меч, и... тогда родители были бы живы. Ночью Тая абсолютно точно знала, что ничего не может сделать. Но теперь, при свете солнца, ее начали терзать сомнения и чувство вины. Малышке не пришло в голову, что меч она все равно не подняла бы. Наслушавшись сказок и привыкнув отождествлять себя с добрыми, храбрыми и сильными героями, она не могла реально оценивать свои возможности.

— Не умеешь ты обращаться с детьми, — вздохнул усатый.

— А ты у нас специалист? Вот и иди сюда, и сам попробуй поднять реву, — сердито сказал хозяин пса. У него, очевидно, было не самое радужное настроение.

— Не похожа она на бродяжку, — протянул усатый. — Платьишко на ней хорошее, хоть и грязное.

— Может, только-только из дома убежала?

— Сейчас попробую выяснить, — сообщил мужчина, присаживаясь на корточки рядом с девочкой. — Эй, красotka, ты где живешь?

— До-ома, — сквозь всхлипывания, с трудом выдавила из себя Тая.

— Адрес какой? Дом на этой улице?

Девочка с трудом осмотрелась сквозь пелену слез и мотнула головой. Она испугалась, что ее бросят здесь одну, а потому старалась отвечать. Тае хотелось попасть в свою комнату, к куклам и к доброй соседке-старушке в домике напротив. Но вокруг все оказалось незнакомым — и дома, и сама улица, посыпанная щебенкой вместо квадратных плиток, сильно нагреваемых летом. Сейчас девчушка была бы рада даже знакомым мрачным мужчинам с папиной работы или незнакомой двоюродной бабушке, к которой ее уже три месяца собирались

свозить, но все время откладывали визит. Малышка нуждалась в том, чтобы ее обняли и заверили, что все будет хорошо.

— Соседняя улица? — вместо этого продолжил уточнять усатый. — Та или вон та? — указал он пальцем в сторону перекрестков.

— Нет, — всхлипнула Тая. — Далеко. Я... я не знаю название. Пятый дом.

— Дьявол! — опять выругался хозяин пса. — Мы не можем обойти все пятые дома в городе. Нам на это и недели не хватит!

— Придется отвести девчущку в приют и надеяться, что родители разыщут ее там, — сказал усатый и потянул Таю за руку. — Вставай, детка.

— Они... они не придут, — с рыданиями выдавила сиротка.

— Не выдумывай, — попытался обнадежить ее мужчина, продолжая легонько, но настойчиво тянуть за руку.

— Да что ты возишься? — нетерпеливо поинтересовался хозяин пса. — В приюте во всем разберутся.

Явно согласившись с напарником, усатый подхватил Таю поперек туловища и зажал под мышкой, словно куль. Девочка не вырывалась. Так как ноги были разбиты в кровь и болели, этот способ передвижения показался ей куда более предпочтительным.

— Скажи мне, если узнаешь улицу, — на всякий случай решил дать бродяжке еще один шанс усатый.

Тая не ответила, но вытерла слезы грязным кулачком, чтобы лучше видеть.

Пес последовал за людьми и периодически порывивал, но больше не пытался напасть на девочку. С деловым видом он шастал вокруг, что-то старательно вынюхивая. Зато его хозяин не смог обойтись без слов и периодически ворчал, сетуя на то, что родители нынче пошли безответственные, за одним ребенком уследить не могут. А Тая, устав от рыданий, только тихонько всхлипывала и вздыхала, и от этих судорожных движений у нее уже болело в груди. Девочка с беспокойством думала, где же и с кем теперь будет жить. Родителей ей все равно никто не заменит.

Снаружи приют выглядел не слишком приветливо, так как все окна были забраны темными решетками из толстых, густо поставленных прутьев металла. Так сразу и не понять — то ли это защита от возможного нападения одержимого на сироток,

то ли средство пресечения побегов. Возле входа была пристроена небольшая будка для привратника.

Мужчин в форме беспрепятственно пропустили внутрь здания вместе с ребенком. Похоже, они тут появились не впервой. В пользу этого говорил и тот факт, что им не пришлось спрашивать дорогу к кабинету директрисы — сами дошли. Усатый под аккомпанемент ворчания напарника осторожно спустил Таю, поставил на ноги. А тот предложил поторопиться, пока его пес, оставшийся на улице, не нашел для них еще одну проблему.

Девочка осознала, что обоим незнакомцам надоело возиться с ней, что они будут рады избавиться от нее. Но малышка чувствовала себя одинокой и потерянной, ей не хотелось расставаться даже с этими грубыми людьми. По крайней мере, в их компании она ощущала себя защищенной. Вдруг следующей ночью одержимая придет за ней?

Не пытаясь разобраться в чувствах ребенка, хозяин пса уверенно постучал в дверь на первом этаже и тут же вошел. Следом усатый завел внутрь Таю.

— Здравствуй, Лидия, — сказал он. — Мы тут тебе пополнение привели. Обнаружили на улице совершенно одну, в таком вот виде. Не из твоих ли случайно? Хотя сама девчушка утверждает, что сбежала из дома, только адрес не знает или не может вспомнить.

Миниатюрная худощавая женщина средних лет в строгом сером платье поднялась из-за стола, подошла поближе и внимательно осмотрела Таю.

— Не моя. Будете оставлять?

— Конечно! — тут же быстро подтвердил хозяин пса.

— Позаботься о ней, пока родители не начнут поиски и не обратятся к тебе, — сказал усатый.

Оба мужчины коротко попрощались и, не оглядываясь, ушли. А Тая осталась одна с совершенно незнакомой женщиной, хмуро ее рассматривающей.

— Сколько тебе лет? — холодным и равнодушным голосом поинтересовалась директриса приюта.

— Вчела исполнилось шесть, — сообщила малышка, которая от страха и волнения перестала выговаривать букву «р». С ней такое бывало от переизбытка эмоций — когда она радовалась или, как сейчас, нервничала.

— Сбежала от родителей? Потерялась? — продолжила допрос женщина.

— Их убили, — горестно всхлипнула Тая, не в силах больше плакать. — Оделжимая.

Новость не произвела совершенно никакого впечатления на директрису. Она спокойно уточнила:

— Сиротка, значит. Ну-ну. Пару дней поживешь одна в комнате на чердаке, пока возможные родственники не объявятся. Думаю, этого срока должно хватить, чтобы определить, нужна ли ты кому-то.

Женщина совершенно не думала, как воспримет ее слова малышка. Слишком много тут таких у нее на попечении. Она подошла к двери, выглянула в коридор и очень громко крикнула:

— Малика! Иди сюда, дело есть.

Вскоре в кабинет вошла девица лет двадцати. Она мельком посмотрела на Таю, после чего сосредоточила взгляд на лице начальницы.

— Звали?

— Устроишь эту, — ткнула директриса пальцем в ребенка, — в комнатке на чердаке. Питание у нее пока отдельное. Переодень девчонку во что-нибудь чистое и обработай ссадины на коленках, а то вон на подол крови натекло. К остальным пока не пускай.

— Мне ее запереть?

— Займи чем-нибудь! Книжку дай!

— А она читать умеет? — с сомнением посмотрела девица на не слишком крупную для своего возраста Таю.

— Какая разница? Пусть картинки пока посмотрит. Снотворное-то осталось?

Малика кивнула и ухватила девочку за плечо.

— Пошли, — скомандовала она.

Комната на чердаке оказалась очень маленькой, довольно грязной и не слишком светлой даже днем. Из мебели там стояли кровать и тумбочка. Тае новое место жительства совершенно не понравилось, но она смирилась и промолчала. Это ведь ненадолго. Чтобы отвлечься, девочка действительно принялась разглядывать картинки в принесенной ей Маликой книжке, потом довольно плотно поела и... уснула.

Следующие два дня Тая помнила смутно, ей постоянно хотелось спать. Вроде бы она изредка приходила в себя, что-то

ела, что-то отвечала Малике. Убийство родителей стало казаться далеким кошмаром. В душе воцарился хрупкий покой. Так она и существовала в полузабытьи, пока однажды вечером к ней не зашла директриса собственной персоной.

— Ну что, три дня минуло, а про тебя так никто и не спросил, — с порога сообщила она. — Никому ты оказалась не нужна.

Девочка, лежащая на кровати и рассматривающая потолок, не нашла, что на это сказать. Ей хотелось бы возразить, но близких действительно не осталось. Помимо родителей из взрослых она знала разве что соседку и парочку папиных коллег по работе, иногда заходящих к ним на ужин. К тому же снотворное немного притупило чувства и замедлило реакцию.

— Я теперь буду жить тут? — практически без эмоций уточнила Тая, садясь на кровати. Она расправила скромное длинное серое платье с двумя заплатками на подоле и нащупала ногами выданные ей тапочки. Новость все-таки немного разогнала туман у нее в голове.

— Да, — согласилась директриса, — на втором этаже вместе с остальными сиротками. Третий этаж отведен для мальчиков, так что туда тебе лучше не забираться. Обидят — будешь виновата сама. Они к вам поодиночке тоже стараются не соваться.

— Осенью я должна была пойти в школу недалеко от дома, — на всякий случай сообщила Тая, так как до убийства родителей она с нетерпением ждала этого события.

— Никто из моих подопечных не имеет права покидать здание, — холодно сказала Лидия. — Несколько приходящих наставников научат вас всему, что понадобится в дальнейшей взрослой жизни: арифметике, письму, домоводству и основам бытовой магии, если у кого-то выявятся склонности.

— Но я хочу... — осмелилась возразить девочка, немного оживая.

— Меня не волнует, что ты хочешь! — перебила ее директриса. — Теперь ты во всем будешь подчиняться мне! Понятно?

Тая промолчала, переваривая новость.

— Понятно? — еще раз, но уже строже, переспросила Лидия.

— Да, — выдавила из себя малышка, которой вновь захотелось разреветься. Она начала подозревать, что в приюте ей не понравится.

— Вот и замечательно, — более благодушно проговорила директриса. — С этого момента тебя будут звать...

— Но у меня уже есть имя! Тая. Таяра.

— Опять споришь? — поджала губы Лидия. — Запомни: теперь ты живешь в *моем* приюте, питаешься и одеваешься за *мой* счет, а потому только я имею право решать, как к тебе обращаться. Девочка с именем Таяра здесь уже была и покинула эти стены совсем недавно. Я не хочу повторяться, поэтому будешь... Тэй. Тэйра ри Лидия.

— Тэйла ги Алина, — робко поправила девочка. — Мою маму звали Алина.

— Не смей вспоминать о своем прошлом! — рассердилась директриса. — Теперь я — вся твоя семья. Всех моих сироток-воспитанниц зовут ри Лидия. И точка! Так будет написано в твоих новых документах.

Малышка всхлипнула и, не сдержавшись, опять заплакала. Она могла смириться с другим личным именем для себя, но менять приставку с именем матери казалось ей кощунством. Она всегда знала, что будет зваться ги Алина, если, конечно, не повысит статус. Женщины-маги добавляли «ун» перед именем матери, инквизиторы — «ин». И лишь сироты, люди, выгнанные из семьи за проступки, и бывшие преступники в принудительном порядке использовали артикль «ри». Мужчины соответственно ставили после личного имени имя отца.

— Это неплавно, — не сдержалась Тая.

— Не смей со мной пререкаться, соплячка! Тебе не помешало бы для профилактики вбить немного хорошего воспитания.

— Детей нельзя бить, — замотав головой, повторила малышка фразу, слышанную когда-то от родителей.

— Да? И кто же мне запретит? Ты? — вышла из себя директриса, которая не любила своеволия и не терпела, когда ее власть кто-то оспаривает. — Малика! — громко закричала она так, что было слышно, наверное, даже на первом этаже.

Девушка-помощница вошла буквально через несколько секунд. Она наверняка ошивалась в коридоре и за неимением другого развлечения слушала под дверью и ожидала результата разговора.

— Соберешь воспитанниц в общем зале и при всех всыплешь новенькой пять ударов ремнем, — приказала Лидия, искренне считая, что действует на благо подопечных. Своеволье сразу надо пресекать, иначе в будущем будет сложно контро-

ликовать всех сирот. — Потом подселишь ее к кому-нибудь и все объяснишь про обязанности.

— Хорошо, — кивнула Малика, которая, очевидно, не усматривала ничего неправильного в этих словах.

Она без всяких эмоций подошла к Тае и схватила ту за предплечье. Девочке не было больно, но и вырваться не представлялось возможным. Воспитательница потянула новую сиротку в коридор.

— И еще, Малика... — окликнула девицу директриса.

— Да?

— Эту строптивую крошку зовут теперь Тэйра ри Лидия. Позаботься о том, чтобы она усвоила этот факт.

Если у малышки сначала и возникло желание проявить упрямство и не отзываться на новое имя, то после экзекуции оно начисто пропало. «Тэй-ра, Тэй-ра, — вместо счета по слогам проговаривала Малика, нанося ремнем довольно чувствительные и болезненные удары. Вырваться переброшенная через колено девочка не могла, так как силы были слишком не равны. Но физическая боль оказалась ничем по сравнению с испытываемым ею стыдом. В огромном для шестилетней крошки зале собралась большая группа сироток разного возраста — лет от трех и до достигших совершеннолетия, наступающего в восемнадцать весен. Отдельно в уголке выстроились воспитательницы в одинаковых уныло-серых форменных платьях.

Тая снова всю заревела, не понимая, за что ей достается. Ее били только за то, что она не хотела предавать память о родителях?

Отвесив положенные пять ударов, Малика отпустила девочку и приказала остальным воспитанницам:

— Все, расходитесь по комнатам, живо! Чтобы через пять минут в коридоре никого не было. А-а! И кто там у нас в шестнадцатой комнате? Захватите новенькую с собой и расскажите о наших порядках.

К Тае подошла хмурая девушка лет пятнадцати-шестнадцати и совсем неприветливо сказала:

— Следуй за мной.

Мягкое место ниже поясницы горело огнем, великоватые тапочки так и норовили соскользнуть с ног. Малышка с трудом попевала за размашисто шагающей почти взрослой соседкой, прилагая к этому огромные усилия. Ей не хотелось

вновь кого-нибудь прогневить. Один участок коридора она даже собиралась пробежать, но была грубо остановлена.

— Нельзя! — крикнула другая шедшая следом сирота лет тринадцати-четырнадцати. — Нам строго запрещено бегать по коридорам.

Это оказалась вторая соседка Таи по комнате. И она проявила ничуть не больше дружелюбия.

— Видишь цифру на двери? — указала более взрослая провожатая. — Запомни, как она выглядит, чтобы не заблудиться, когда будешь ходить одна. В коридоре других особых примет все равно нет.

— Шестнадцать, — шепотом проговорила малышка, силясь исполнить эту просьбу-приказ. — Один и шесть.

— Не стой столбом, — поторопила ее младшая соседка.

Помня о словах Малики, Тая со страхом скользнула внутрь, в темноту. Если коридор освещался редкими огарками в подставках высоко над головой, то в комнате даже камин не горел.

Вошедшие следом девушки зажгли одинокую свечу на подоконнике, и в ее неровном свете новенькая рассмотрела скудную обстановку: две высокие двухъярусные кровати по бокам от узкого прохода, один столик напротив двери и четыре стула, жмущиеся к небольшим свободным участкам стен. Ни ковра, ни штор, ни игрушек. Даже шкафа — и того не имелось. Тая пока не знала, что сироткам не положена запасная одежда.

— Спать будешь там, — указала младшая соседка на верхний ярус одной из кроватей.

— Я не смогу туда залезть, — замотала головой малышка, глядя на поломанную лесенку с редко расположенными перекладинами.

— Мало досталось? — вмешалась старшая соседка. — Других свободных мест у нас все равно нет. Я не собираюсь уступать свое место всякой мелюзге! Лезь давай!

Вздвогнув от злобного окрика, Тая схватилась за первую перекладину.

— Живее! Мы должны быстрее погасить свечу, чтобы никто из наставниц не обвинил нас в расточительстве.

— А как же вы проводите время вечером после захода солнца? — удивилась малышка.

— В темноте! — отрезала девушка постарше и подпихнула Таю наверх.

Синяки отозвались болью, однако новая воспитанница приюта была рада и такой грубоватой помощи. Она устроилась на матрасе на боку и с опаской глянула вниз. Высоко-о-о. Девочка отодвинулась подальше от края, прижалась к стене и натянула на себя лоскутное одеяло, бесформенной массой валявшееся в ногах. Жизнь показалась ей кошмаром, который только усилился, когда кто-то из равнодушных соседок задул свечу...

Страх, который раньше приглушался снотворным, навалился на малышку с новой силой. На этот раз монстры, таящиеся в темноте, имели вполне определенный облик — красивой, элегантной женщины с золотистыми волосами. Тая прекрасно помнила про охрану на входе, про мощные решетки на окнах, но успокоиться не могла. Она с головой укрылась одеялом и сжалась в комочек, прячась от всего мира. В этом теплом убежище девочка непроизвольно принялась вспоминать все свои горести, беды и обиды: убийство родителей, несправедливое наказание, жестокость окружающих. Ей со страшной силой захотелось по-настоящему стать большим и сильным драконом, которым она себя частенько представляла понарошку. А еще... Тая первый раз почувствовала, что не в силах все всем простить. На примере сказок родители объясняли ей, что месть — это нехорошо, она убивает душу. Но именно о мести ей хотелось мечтать, прижимаясь спиной к стене и дрожа от страха.

— Мама, папа, как мне вас не хватает, — практически беззвучно шепнула малышка, едва шевеля губами. — Как же я хочу быстрее вырасти и отомстить той одержимой за вашу смерть! Но я, оказывается, просто трусиха. Слабая и беспомощная. Как мне стать другой? Где мне найти силы?

— Я помогу, — раздался вдруг вполне различимый шепот, идущий, казалось, откуда-то из окружающей тьмы. — Только прими меня. Я дам силу, возможности, — искал голос.

— Кто ты? — испугалась Тая.

— Друг, — раздался в ответ тихий смешок, прозвучавший словно бы где-то в голове. — Соглашайся. Мы с тобой станем непобедимы, нас будут бояться враги. Ты отомстишь.

Последнее обещание перевесило чашу весов.

— Ты правда сможешь? — еще раз уточнила девочка у невидимого собеседника, проявившего к ней больше внимания и участия, чем все окружающие за последние три дня.

— Да. Согласна? Ты примешь меня?

— Наверное, — неуверенно ответила Тая, не зная, что от нее потребуется.

— До совершеннолетия — ничего, — словно угадав ее мысли, произнес голос. — Но уже сейчас ты станешь сильнее и увереннее.

— Хорошо.

— Ты выбираешь для себя день или ночь? — раздался загадочный вопрос, заставивший девочку почувствовать себя еще неуютнее. С чем она связалась?

— День, — выбрала Тая, рассудив, что это время суток означает добро. Лишь злодеи действуют под покровом ночи. А она будет светлой силой.

— Тогда в ночи я буду повелевать тобой, — шепнула тьма, а малышка наконец сообразила, что правильным ответом могло быть только твердое «нет».

ГЛАВА 1

— Тэйра! — проник в уши визгливый голос начальницы, заставив девушку вздрогнуть и проснуться. Обычно она не слишком любила, когда руководившая журналом мод холеная женщина вспоминала про ее существование. Намного предпочтительнее было получать задания от милого, спокойного заместителя. Однако сейчас она даже обрадовалась своевременному зову, так как не хотела снова досматривать кошмар, периодически мучивший ее вот уже почти двадцать лет. Оставалось пережить во сне как раз самое неприятное — короткую острую вспышку боли в голове и пугающий до дрожи потусторонний голос, сообщавший: «До совершеннолетия, моя половинка».

С тех пор Тая действительно никогда больше не чувствовала себя одинокой. Стоило ей испугаться, как кто-то словно отеснял девушку от управления собственным телом и брал эмоции под контроль. В детстве Тэйре это даже нравилось, так как иначе она вряд ли смогла бы выдержать долгих двенадцать лет жизни в бездушной атмосфере темных помещений приюта. Но с годами она поняла, что за все нужно платить...

— Тэйра! — еще раз взвизгнула начальница, и в ее голосе значительно добавилось недовольства.

— Здесь! — торопливо крикнула в ответ девушка, поднимаясь с небольшого пуфика, спрятанного за группой манекенов и плотно сдвинутыми переносными вешалками с одеждой. Спина и шея болели от долгого сидения в неудобной позе, в которой ее сморил сон. В голове все еще ощущался туман, думать совершенно не хотелось. — Я уже иду!

— Поторопись, сделай милость. Тебя не дозовешься, когда нужно! И зачем я когда-то поддалась жалости и взяла на рабо-

ту бедную, ничего не умеющую сиротку?! — патетически воскликнула начальница, явно играя на публику. Чувствовалось, что она привыкла быть в центре внимания.

Тэйра могла бы возразить, что уважаемая Лара ги Альтея вряд ли вообще способна на жалость. Она явно себе сильно льстила! А выпущенную из приюта во взрослую жизнь сиротку взяла единственно потому, что ей это было выгодно. Кто же еще согласится работать по двенадцать часов, потакая ее капризам? Тем более что у Тэйры обнаружился замечательный, очень редкий талант — она могла красочно и реалистично за считанные секунды отображать на бумаге все, что видела. Людей, наделенных таким талантом, называли образниками. Они не были полноценными магами, не могли без спичек зажечь огонь, поразить кого-то молнией, создать даже простейший защитный амулет, но все равно имели законное право ставить перед именем родителя гордый артикль «ун». Так что в восемнадцать лет девушка с радостью получила документы, в которых значилось, что к их обладательнице стоит обращаться «Тэйра ун Алина». Прежнее личное имя было уже не вернуть без старшей родственницы в активе, но имя матери при повышении статуса от сиротки до чародейки ей разрешили хотя бы и выдумать. Лидия осталась в ее приютском прошлом вместе с артиклем «ри». Впрочем, девушка уже смирилась с тем, что ее мягкое, мелодичное имя изменили на звонкое и режущее слух. Может, это и к лучшему теперь, когда некому обратиться к ней любящим голосом...

— Милочка, зачем ты вообще забилась в дальний угол? — недовольно поинтересовалась Лара.

— Я не слишком общительна, — вздохнула Тэйра, представляя перед начальницей и старательно делая бодрый вид.

— Как можно предпочесть компанию манекенов? — театрально закатила глаза Лара, которая когда-то являлась моделью в другом журнале.

Девушка молча пожала плечами. Не могла же она прямо объяснить, что ее устроили бы и любые другие ширмы, лишь бы скрыли от глаз коллег и дали возможность хоть немного отдохнуть. Возле удобных кресел и диванов, как правило, собирались целые компании, общались и приятно коротали небольшие перерывы в работе — там спокойно не подремлешь. А она уже не могла терпеть, хотя и знала, что нельзя, что ей это еще выйдет боком.

— Отправляйся в салон, там тебя уже ждут, — сказала Лара. — К концу сегодняшнего дня мне нужно пятьсот листов с девушками в вечерних нарядах. А потом можешь быть свободна. Совсем.

— То есть? — не поняла Тэйра, но почувствовала легкое беспокойство. — У нас намечается отпуск?

— У вас намечаются поиски новой работы, если вы не хотите скончаться от голода, — язвительно пояснила начальница. — А у меня — переезд к мужу и отдых. Надоело мне с вами возиться.

От этой новости девушка даже дар речи потеряла. Естественно, ее поразило не то, что Лара наконец-то нашла мужа. Тэйра не представляла, куда ей теперь податься. Конечно, она знала, что спрос на образников неплохой, однако никогда не помышляла о том, чтобы сменить работу. Перемены в жизни пугали и настораживали ее. Она плохо сходилась с людьми, так как постоянно ждала от них какого-нибудь подвоха. Но даже в том случае, если кто-то сумел заслужить ее доверие и вызвать симпатию, Тэйра старалась удерживать дистанцию, так как боялась новых потерь и... себя. Вернее, ее пугало то чудовище, в которое она превращалась, стоило лишь времени перевалить за полночь: красивое и элегантное снаружи — девушка не позволяла себе так выглядеть днем, — но темнее темного внутри.

— Милочка, иди работай, если хочешь получить деньги за последний заказ. — Лара не дала Тэйре долго предаваться унынию. — Я не благотворительная организация!

— Но... как же так? Вы собираетесь закрыть журнал? — все-таки уточнила девушка с растерянностью в голосе. — Можно ведь назначить кого-то другого на пост директора и получать доход.

— Тебя, что ли? — фыркнула Лара. — Я уже все решила. Иди.

И образница действительно направилась в студию, так как остро нуждалась в деньгах. Она снимала небольшой ветхий домик на окраине города. В одиночку оплачивать такое жилье было дороговато, но Тэйра не представляла, как бы жила с соседками. Гораздо лучше, если ее темная половина будет просыпаться в полночь подальше от людей и густонаселенных районов. Девушке хотелось бы думать, что она таким образом заботится о других, но она не смела себе лгать. Ей очень хоте-

лось жить, жить, как все, и радоваться каждому дню. Впрочем, отказаться от своего жалкого существования она тоже не могла. И у Тэйры, и у ее темной половины инстинкт самосохранения был слишком высок. Они вечно оспаривали друг у друга часы бодрствования. Если одна в свое время суток вела активную жизнь, то второй приходилось расплачиваться сонливостью. Образница была бы рада не давать темной половине вырваться на свободу, но силы воли не всегда хватало. Противница тоже проявляла завидное упрямство в борьбе за часы активности.

У дверей студии девушка столкнулась с заместителем Лары. Судя по печальному и задумчивому выражению лица, его тоже недавно «обрадовали» новостью об увольнении.

— А-а, Тэйра, это ты, — сказал он, заметив сотрудницу журнала, и первым поспешно протиснулся в комнату практически перед самым ее носом.

Поначалу воспитанницу приюта немного расстраивала такая манера мужчины, который совершенно не хотел видеть в ней женщину. С моделями он вел себя абсолютно по-другому, был любезен и предупредителен. Но постепенно Тэйра смирилась и убедила себя, что так даже лучше. Она ведь не может позволить себе принять чьи-то ухаживания. Да и, если сравнить, она значительно проигрывала во внешности всем тем девушкам, образы которых ежедневно переносила на бумагу. По крайней мере, днем. Небольшой рост, обесцвеченные до светло-каштанового тона короткие, до плеч, волосы, которые стоило бы почаще расчесывать. Вечные мешки под глазами и красные от усталости глаза. Привычный с приюта фасон безразмерного платья — дешевого, невзрачного и безликого. Туфли на плоской подошве, отсутствие украшений. Она не бросалась в глаза в толпе, и в основном Тэйру это устраивало. Моменты слабости — не в счет.

— Ты уже знаешь, чем займешься потом? — нейтрально поинтересовалась девушка у заместителя Лары. Она осторожничала на тот случай, если у Кобальта имелся совершенно другой повод для грусти. Вдруг он еще ничего не знает? Не хотелось бы первой выкладывать ему дурные новости.

— Нет, — тяжело вздохнул заместитель. — Тебе-то с работой будет проще. Образников в городе катастрофически не хватает, причем оплату предлагают побольше, чем здесь.

Девушка хотела поподробнее расспросить удачно подвернувшегося информатора, но не успела, так как ее окликнули.

— Тэйра, — капризным голоском протянула одна из моделей, — давай быстрее, я не смогу долго в этом платье. Корсет затянули так, что я еле дышу.

— Держи. — Заместитель Лары протянул образнице пачку чистых листов бумаги, которым вскоре предстояло стать страницами журнала. — Постарайся ни одного не испортить, потому что больше у меня нет.

С легкостью подхватив объемную пачку, Тэйра практически бегом понеслась поближе к модели.

— Завидую я твоему трудовому энтузиазму, — донеслось ей вслед. — Я чуть не надорвался, пока донес бумагу со склада, а ты только увидела работу — и даже веса не почувствовала!

Тэйра запоздало притормозила, поняв, что выдала себя. Она ведь действительно не чувствовала веса, хотя и была этому вовсе не рада. Что для обычного человека — тяжесть, то для одержимой — мелочи. Сделав вид, что едва не выпустила ношу из рук, девушка скинула упаковку на стол. Играя на публику, размяла руки и только тогда развязала бечевку и достала с десятка листов.

— Готова? — поинтересовалась она у модели, в картинной позе застывшей напротив декорации, изображающей кусочек парка. Художник плохо прорисовал детали, но для Тэйры это было не важно. Она могла сама додумать задний фон и распределить тени так, чтобы деревья и кустарники казались живыми.

— Почти, — выдохнула ослепительно красивая девица, одетая в яркое платье, зауженное книзу.

Образница с сочувствием смотрела, как та балансирует на высоченных каблуках, стараясь удерживать на губах полуулыбку. Тэйра ведь прекрасно знала, что стоит ей перейти к другой модели, как улыбка сменится гримасой, горделиво расправленная спина согрится, а глаза забегают в поисках портнихи, которая поможет избавиться от неудобного платья. Она постаралась быстро запечатлеть в памяти все детали и мысленно украсить их, после чего провела ладонью по чистой поверхности листа. Видимых спецэффектов не последовало, магия работала тихо и незаметно и управлялась лишь ее желанием. На листе из ниоткуда появилось яркое цветное изображение без следов мазков кисти. Каждый раз этот момент казался Тэй-

ре настоящим чудом, кусочком реализовавшейся детской сказки. Она полюбовалась на результат, отметив, что картинка, как всегда, получилась лучше реальности. Однако удовлетворить модель было не так-то просто.

— Ой, душенька, — заискивающе протянула девица, — а нельзя ли мне талию чуть поуже сделать? Я выгляжу толстой!

Тэйра скептически посмотрела на утянутые корсетом бока модели, но благоразумно промолчала. Почти восемь лет стажа научили ее, что вступать в такой ситуации в спор — себе дороже. Покупательницы журнала все равно будут рассматривать модный наряд и млеть от восторга, не замечая неестественности фигуры. «Главное — деньги, — мысленно произнесла Тэйра как некое заклинание. — Мне еще в этом месяце за дом платить».

Четко представив будущую картинку, девушка снова провела ладонью по чистому листу бумаги. Она действительно чуть сузила талию модели и немного изменила фон — так, словно на декорациях был вечер. Образница не любила повторяться, поэтому все положенные пятьсот экземпляров отличались друг от друга. В городе у богачей они пользовались хорошим спросом — некоторые брали по два, а то и по три экземпляра именно из-за разницы в антураже, из-за другого колорита.

Закончив работу над пятисотой картинкой, Тэйра развернулась к другой модели, стоящей в ожидании неподалеку, и приготовилась выслушать очередную порцию требований. Всем девушкам чего-то хотелось — исправить нос, удлинить ноги, сделать грудь побольше, губы полнее... Она старалась не отказывать без причины, и из-под ее рук выходили изображения совершенств.

— А я уже договорилась о месте в другом журнале, — похвасталась очередная модель. — Уйду к конкурентам, и пусть Лара потом, когда одумается и вернется к работе, локти кусает!

— Я тоже к ним пойду, — загорелась идеей еще одна девушка.

— Кто тебя, кикимору, возьмет?!

— Тот же, кто и тебя!

— Девочки, не ссорьтесь, — попыталась успокоить разошедшихся моделей Тэйра, пока дело не дошло до драки и таскания соперницы за волосы. — Вы обе достойны того, чтобы

быть принятыми на новую работу. Я уверена, что вас возьмут. А вот куда теперь мне податься...

— С нами? — неуверенно предложила названная кикиморой девица.

— Дура! В том журнале свой, не менее опытный образник есть! — с видом превосходства доложила блондинка, над изображением которой как раз билась Тэйра. Девушка в вечернем наряде успевала и фальшиво улыбаться, и разговаривать между делом. — В местных журналах и газетах должности образников в основном занимают по блату. Это нашей сиротке повезло попасть в поле зрения одной небезызвестной вам жаднучей стервы!

— Тише! — шикнул заместитель Лары, покосившись на дверь.

— А что она мне теперь сделает? — фыркнула модель. — Уволит?

— Значит, придется искать работу в другой сфере, — тяжело вздохнула Тэйра, которой не нравилась подобная неопределенность в будущем. Она не представляла, к кому можно обратиться.

— Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко, — нерешительно предложил Кобальт и замолк, словно тут же пожалел о великодушном порыве.

— Было бы неплохо, — ухватила за возможность Тэйра. Взросление в приюте и последующие одинокие годы жизни не подготовили ее к тому, что придется бегать по городу, много общаться и пытаться навязать кому-то свои услуги на выгодных условиях. Из множества мест она сама наверняка выберет худшее!

— Подожди соглашаться, я еще главное не сказал, — ворчливо заметил мужчина. — Работать придется не с людьми, а-а... — замялся он, — большей частью с трупами. Знакомые сыскари ищут образницу, чтобы можно было мгновенно получать картинки с мест преступления. Четкого графика у них нет, но вряд ли придется трудиться больше, чем здесь. Зато зарплата очень хорошая.

— Ужас какой! — охнула «кикимора». — Тэйра, ни за что не соглашайся! Там потому и платят много, что образникам приходится любоваться на истерзанные трупы.

— Все не так уж плохо, — попытался выступить в защиту своего предложения заместитель Лары. — Осмотр мест престу-

плений бывает не каждый день, и к тому же сыскари расследуют не только убийства.

— Но ведь и жертвы одержимых должны встречаться, — уперлась модель.

Мужчина был вынужден пожать плечами, так как он сохранил бы, если бы принял убеждать, что такого не случается.

Однако Тэйра все равно серьезно задумалась о возможности устройства на работу к сыскарям. Трупы ее не пугали, даже если они находились в очень плохом состоянии. Главное, чтобы убийцей при этом была не она сама. Было бы странно падать в обморок при виде луж крови, если она на своем веку близко видела двадцать семь жертв. И не только видела... ведь именно ее темная половина приняла непосредственное участие в том, чтобы на утро оставить сыскарям и инквизиторам материал для расследования. В таких случаях всякий раз после рассвета, вернув себе контроль над телом, Тэйра долго рыдала и отмокала в ванне. Но если смыть с кожи кровь было легко, то очистить душу — невозможно. Временами девушку посещало желание пойти и добровольно сдать инквизиторам. Но, во-первых, тут же просыпалась темная половина и тащила ее в другую сторону, а во-вторых, Тэйра и сама не хотела, чтобы над ней проводили процедуру экзорцизма. Бесы срастались с человеком, и потому изгнать их обратно в ад или в демонический мир можно было только вместе с душой. Это означало окончательную и бесповоротную смерть без возможности перерождения. Душа постепенно растворялась в злой сущности, испытывая страшные мучения. Когда-то одержимые с удовольствием сообщили об этом на допросах инквизиции.

Многие считали подобное наказание справедливым для того, кто оступился и впустил в мир зло, ведь без добровольного согласия бесы не могут попасть в тело. Людей искушали богатством, силой, помощью в делах, властью, нашептывали им сладкие обещания. И Тэйра попала, сама того не подозревая! Не зря, читая сказки, родители твердили, что в настоящей жизни месть калечит душу. Конечно, она была невинным ребенком и не знала точно, на что соглашается, не ожидала подвоха. Но кого теперь винить? Только себя. Теперь ей предстояло до-олгое и кошмарное существование без старости, пока бесовка не накопит шестьсот шестьдесят шесть жертв и не оставит ее умирать в дряхлом теле и расплачиваться за свои грехи. Цифра пугала, но мучительное растворение в злой сущ-

ности, водворенной назад в ад, казалось еще хуже. Она ничем не обязана людям, общество которых когда-то отвергло ее.

— Можно я пару дней подумаю над предложением? — вслух поинтересовалась Тэйра, не нашедшая сил сразу принять решение о смене работы.

— Конечно, — кивнул Кобальт. — Обращайся, если что. Курзина очень просила поспрашивать знакомых образников.

— Только я не умею ни держать в руках меч, ни драться рукопашную, — на всякий случай сообщила Тэйра, умолчав при этом, что ее темная половина прекрасно справляется с обеими задачами.

— Тебе и не нужно, — махнул рукой мужчина. — Образники не участвуют самостоятельно в расследовании преступлений и задержании подозреваемых. Если не надо отправляться на место для исполнения непосредственных обязанностей, будешь сидеть в кабинете и перекладывать бумажки, писать доклады вместо других членов группы.

— А с инквизицией часто придется иметь дело? — с опаской поинтересовалась Тэйра, продолжая водить ладонью по чистым листам бумаги.

Настороженное отношение к инквизиции не было чем-то необычным для горожан, так что девушка никого не удивила проскользнувшими в голосе эмоциями. Святоши отнюдь не славились хорошим обхождением, их уважали, но не любили. Они запросто могли скрутить на улице любого прохожего и подвергнуть проверке. Заставить войти в церковь или вылить на подозрительную личность бутылку ледяной освященной воды посреди зимы — это были еще мелочи. Могли ведь сначала и избить хорошенько за «попытку оказать сопротивление». Дернулся кто-то непроизвольно в сторону от них — и пожалуйста. Власти всячески успокаивали горожан, пытаясь примирить их с подобным беспределом, но все зря. Сколько бы граждан ни убеждали в том, что, рискуя жизнью каждый день, поневоле начнешь подозревать неладное в любом жесте, ничего не помогало. От святош предпочитали держаться подальше. Тем более что захваченные ими люди так редко возвращались домой... И ведь не выяснишь — то ли и вправду в чем-то виноваты, то ли их замучили пытками в подвалах и прикопали, чтобы скрыть свои собственные зверства.

— Инквизиция — это неизбежное... добро, — усмехнулся заместитель начальницы, чуть замявшись перед определени-

ем. — Я в принципе точно не знаю, но кухня вроде не жаловалась.

— А ее часто проверяют? — уточнила образница.

— За шесть лет только один раз вежливо попросили пройти до дверей церкви. Инквизиторам хватает и того, что на шее моей двоюродной сестры висит освященный крестик. Изредка она его специально достает из ворота и словно случайно демонстрирует.

— Как насчет других сотрудников?

— Практически так же. Тот, кто хоть раз увидит вблизи жертву одержимого, вряд ли добровольно захочет превратиться в подобное чудовище. Даже опытных сыскарей иногда выворачивает.

— Разве у них нет обязательной ежегодной проверки? — не успокоилась Тэйра.

— Инквизиции и так дел хватает, — терпеливо ответил Кобальт. — На весь город у нас всего полсотни паладинов, если не меньше. А ведь им тоже хоть иногда надо отдыхать и уделять внимание семьям.

Тэйра осталась довольна полученными сведениями. Она продолжала делать иллюстрации для журнала, хотя ее мысли витали далеко. Выходило, что работа в департаменте расследований — это не такой уж риск. Иной раз на улицах подстерегала гораздо большая опасность. В городе при свете солнца девушке не раз доводилось дефилировать мимо мужчин, облаченных в свободные белые туники. И как бы ей при этом ни хотелось развернуться и броситься прочь, она была вынуждена делать безразличный вид. До сих пор Тэйре это как-то сходило с рук, ведь все инквизиторы были мужчинами и вряд ли до конца понимали глубину женского коварства. Иной раз, чтобы выжить, воспитаннице приюта приходилось изображать простушку и скромницу, хотя наличие темной половины давно избавило ее от чрезмерной наивности. Однако и не сделало настолько злой и циничной, чтобы избавиться от угрызений совести при постоянном вынужденном вранье.

— Тэйра, ты не можешь всерьез думать о том, чтобы после нас работать с трупами, — чуть ли не с оскорбленным видом произнесла блондинка, сбив образницу с мысли.

— Да-да, — подала голос «кикимора». — Это будет ужасно тяжело и страшно.

Тяжело? Тэйра считала совершенно по-другому. Уж тела, по крайней мере, молчат, не меняют позу, когда не надо, не советуют капризным голоском, как их лучше запечатлеть!

Часам к восьми вечера у образницы не осталось под рукой ни одного чистого листа, хотя Кобальт вопреки обещанию поднес еще пару пачек бумаги, которые не смог захватить сразу. Голова разболелась от суеты, спешки и постоянной трескотни девушек-моделей. Хотелось быстрее добраться до дома, упасть на кровать и уснуть. Но Тэйра понимала, что не стоит этого делать, ей нельзя потакать своим желаниям. Она привыкла подгадывать так, чтобы темной половине доставалось уставшее тело, чтобы бесовка вынуждена была отдохнуть, а не искать ночью развлечений и жертв. Таким образом девушка успокаивала свою совесть, хотя в то же время подобные меры отдаляли миг освобождения. Это было сумасшествие — мучить себя, продлевать страдания ради того, чтобы достигнуть цели как можно позже. Однако Тэйра не могла иначе. Каждое убийство тяжелым бременем ложилось на душу, а она хотела еще хоть немного пожить без неподъемного гнета, оставаясь человеком.

— Заходи, как надумаешь, — сказал заместитель Лары, когда образница сдавала ему объемную пачку последних иллюстраций для журнала. — Больше, чем здесь, работать явно не придется. Если бы я мог, сам бы пошел к сыскарям.

Девушка устало кивнула и бросила взгляд за окно — на улицу, постепенно погружающуюся в сумерки.

— Переехала бы ты поближе к центру, — проворчал мужчина, тоже заметивший, что солнце садится. — Как дойдешь, запри дом получше и проверь все защитные амулеты, а то кухня по секрету мне шепнула, что в последнее время случилось несколько нападений одержимых.

— Спасибо за заботу, — криво усмехнулась Тэйра, но не стала говорить, что у нее амулетов отродясь не водилось. Зачем они ей? Запирать дом от самой себя?

Она попрощалась и почти без сожаления в последний раз прошла к выходу привычным маршрутом по знакомому до мелочей коридору. На улицах все еще было довольно многолюдно, хотя детей и подростков в толпе почти не наблюдалось. В основном по тротуарам прогуливались зрелые мужчины и женщины — дышали воздухом перед сном.

Тэйра шла, бездумно рассматривая знакомые фасады крепких каменных домов. Детали, которые уже не мог различить взгляд, тут же дорисовывало воображение.

Вскоре двух- и трехэтажные здания сменились более низкой застройкой. И на этом фоне образница вдруг ясно различила возвышающийся купол церквушки, увенчанный массивным крестом. Раньше она предпочитала тут же отворачиваться, но сегодня ее разобрало любопытство. Как близко ей будет дозволено подойти? Лучше заранее это выяснить на тот случай, если она согласится работать у сыскарей. Время уже позднее, на окраине людей мало, так что эксперимент должен обойтись без последствий.

Не спуская опасливого взгляда с креста, Тэйра медленно побрела к церкви, в любой миг ожидая, что наткнется на стену или почувствует вынимающую душу боль. Она не знала, что должно произойти, а потому готовилась ко всему. На дне сознания заворочалась темная сущность, девушка ощутила ее... недоумение? Наверное, тьма не понимала, зачем их понесло к опасной для обеих церкви, если можно обойти ее за несколько кварталов. Но это оказалось единственной еле заметной реакцией. Образницу так никто и не остановил. Она все шагала и шагала, пока не уткнулась в забор с воротами. Маленькая калитка была приглашающе распахнута и позволяла пройти к белоснежному зданию, отделанному мрамором. Но Тэйра замерла, заколебавшись. Ее решимость растаяла, так как одно дело — храбриться и планировать, а совершенно другое — непосредственно осуществлять задумку.

Осмотревшись по сторонам, чтобы исключить наличие свидетелей, девушка все-таки занесла ногу и переступила невидимую черту. Громов и молний не последовало, ей было разрешено придвинуться ближе к церкви, что Тэйра тут же и проделала. По широкой дорожке она дошла до высоких массивных деревянных дверей, закрытых... на амбарный замок. Хотя внутрь она и не собиралась, образница с опаской протянула руку и коснулась ладонью одной из створок. А затем ей показалось, что в душе что-то екнуло и перевернулось. Одновременно с этим сзади раздался голос:

— Церковь закрыта, приходи завтра, с утра.

То ли от странного ощущения, связанного с тьмой, то ли от внезапности и испуга, Тэйра охнула и схватилась за грудь.

— Я вас напугал, да? Извините, — продолжил тот же мужчина.

— Ничего, — почти прошептала девушка и медленно обернулась, чтобы испытать еще одно потрясение.

На дорожке в двух шагах от нее стоял инквизитор! Белая туника до колен, казалось, сияла в сумерках. Из-за плеча выглядывала массивная крестовина меча. Крестик поменьше, надетый явно не на показ, висел на цепочке на шее. На голову накинута легкий капюшон, скрывающий лицо. Все паладины четко блюли правила и никогда не ступали на землю церкви простоволосыми.

Тэйра вздрогнула всем телом — не сумела сдержаться. За сегодняшний день на нее свалилось слишком много потрясений.

— Не такой уж я и страшный, — благодушно проворчал инквизитор. — Что раньше-то прийти не могла?

— Я работала. Освободилась буквально полчаса назад, — еле выговорила Тэйра непослушными губами. Тьма внутри нее затаилась, не торопилась убирать страх и первый раз не желала брать на себя ответственность в опасной ситуации.

— Так надо было сразу в главный собор направляться. Сейчас-то уже поздно, тогда и ночевать там на лавке придется. Советую лучше вернуться домой, хорошенько отдохнуть, у вас бледный вид. Успеете еще и помолиться, и в грехах покаяться, — посоветовал паладин.

— Вы правы, — кивнула девушка, еле сумевшая справиться с отказавшимися подчиняться голосовыми связками и мышцами. А потом нерешительно поинтересовалась: — Ну я пойду?

Образнице не верилось, что инквизитор вот так просто ее отпустит, не заметив одержимости. Неужели он ничего не почувствовал и не заподозрил?

— Иди-иди, — немного насмешливо сказал мужчина и посторонился, уступая ей дорогу.

На ватных ногах, чувствуя в груди покалывание и боль, Тэйра пошаркала мимо инквизитора. Она ожидала, что в любой момент в спину может вонзиться меч. Это, конечно, не смертельно для одержимой, но вряд ли ей понравится. Девушка еще ни разу не получала серьезных ран. Синяки в приюте, сходявшие буквально за пару часов, не в счет.

Сделав десяток шагов и не дождавшись удара и боли, образница, не выдержав неопределенности, обернулась. На до-

рожке никого не оказалось, паладин куда-то исчез, словно был плодом ее воображения.

По пути домой Тэйра то и дело оборачивалась, девушке казалось, что за ней следят. Но она так никого и не заметила. Возможно, просто разыгралось воображение после пережитого стресса. Хотя она не исключала и того, что просто не в состоянии рассмотреть врагов в сумерках без способностей темной половины.

Раньше, до совершеннолетия, когда она еще не подозревала, кем стала, Тэйра считала, что одержимые должны хорошо видеть в темноте. Вроде и детские сказки твердили о том же. Однако в реальности все оказалось не так. После полуночи она действительно видела, как днем, а до этого времени подобно остальным людям спотыкалась и брела на ощупь. Но ведь физическая сила оставалась у нее и в светлое время суток! Возможно, это было как-то связано с недостаточным пока количеством жертв. Тэйра ни у кого не могла спросить, о таком не поинтересуешься у прохожих.

Перед крыльцом ветхого, снимаемого ею деревянного дома опять сидела приبلудившаяся черная кошка, сверкающая огромными желтыми фосфоресцирующими глазищами. В этот раз образница вовремя ее заметила, поэтому громкое шипение не стало неожиданностью. Настороженно глядя друг на друга, Тэйра и кошка одновременно попятились и попытались мирно разойтись. У девушки еще свежи были неприятные воспоминания о том, как эта черная бестия до крови разодрала ей ногу. Правда, она тогда тоже отличилась, так как в темноте не заметила спящую у крыльца плутовку и наступила на хвост. У кошки наверняка случился шок — мало того что прозевала приближение одержимой, так еще и подверглась нападению!

С досадой пнув ни в чем не повинное крыльцо, Тэйра поднялась в дом и захлопнула за собой дверь. Если хоть раз кто-то из соседей не вовремя выглянет и заметит реакцию кошки, ей несдобровать. К счастью, обычно образница поздно возвращалась с работы, а во мраке даже она не могла с расстояния в несколько метров четко рассмотреть ничего, кроме зеленых глаз с вертикальными зрачками. Не повезло, что эта приبلуда облюбовала именно ее крыльцо!

Остаток вечера девушка провела, просматривая объявления в завалившейся газете и борясь со сном. В нескольких мес-

тах действительно требовались образники, но Тэйре совершенно не понравились условия. В детском парке в качестве обязательного документа требовали заключение инквизиции с давностью проверки не больше месяца. В скандальной газете хотели нанять человека для дежурства в ночную смену и реагирования на вызовы вместе с репортером и охраной. За риск платили фантастическую сумму, но девушке она не светила. Также в работнице нуждался магазин одежды для высшего общества Эдибада. Но ни одну одержимую в здравом уме категорически не устроило бы его местоположение — напротив главного входа в центральный городской собор, где с паладинами пришлось бы сталкиваться каждый день. Даже самим инквизиторам зачем-то требовался хороший образник!

Тэйра так увлеклась, разбирая строчки при тусклом огоньке свечи, что даже вздрогнула, когда часы под лестницей на чердак начали отбивать полночь. А дальше у нее помутилось сознание, и она, как обычно, начала воспринимать себя урывками. Вроде только сидела в кресле, но внезапно обнаружила, что стоит перед зеркалом, придирчиво изучая свое отражение и кривя губы в недовольной гримасе. Вместо привычного бесформенного платья на ней оказался наряд, который надела бы не всякая добропорядочная горожанка — длинное узкое красное платье с разрезом до бедра и открытой спиной. Туфли на высоком каблуке и тонкая кружевная шаль, отороченная мехом, дополняли ансамбль. На меховое мантио девушке не хватало денег, тем более что и не нуждалась она в подобных украшениях днем. Тэйра пробовала отказываться покупать такую вульгарную одежду, но темная половина быстро находила выход, врываясь в чужие дома и разбивая витрины. Даже удивительно, что их до сих пор не поймали! Но тщательно приглаженные и уложенные волосы, яркий макияж и высокомерное выражение лица делали девушку практически неузнаваемой. Она настоящая отличалась от тщательно создаваемых нечистью образов как день от ночи. И бесовку почему-то совсем не волновало то, что на ее вульгарную красоту ночью все равно практически некому любоваться!

— Прогуляемся, Тая? — спросила вслух нечистая сила, ненадолго ослабив контроль над образницей ради ответа.

«Не смей меня так называть! — мысленно возмутилась девушка. — Это имя использовали только близкие мне люди».